

а. Осмотр
Внутренний вид Кетовской тюрьмы
А. Вестужев
1832 г.

оставить оное в пожизненном владении у супруги брата их Сергея, разделяющей с ним судьбу его... После сего дети, сохраняя те же чувствования о неприкосновенности к имению брата их в продолжение жизни жены его, а сия, принимая то с благодарностью, поручили мне все трое распоряжение означенным имением и исполнение всех мер в помянутой доверенности заключающихся»¹¹.

Стремясь «ускорить развязку деловых, отягощающих имение сына», старая княгиня просила царя назначить в помощь ей попечителей.

Однако эта просьба об учреждении попечительства была вызвана не только тем, что старухе Волконской трудно было управиться с возложенными на нее обязанностями. Дело в том, что доверенность, которую прислала ей из Сибири жена ее сына, ни одна инстанция не решалась засвидетельствовать, так как ни в одной инстанции, кроме самых высших, не имелось точных указаний относительно прав жен государственных преступников. Николай

Акварель Н. А. Вестужева. ИРЛИ АН СССР

обычно решал вопрос об имущественных правах жен, уехавших за своими мужьями-декабристами в Сибирь, в связи с отдельными возникающими прецедентами. Цитированное выше письмо княгини Волконской вызвало пересмотр всех положений о правах жен ссыльнокаторжных.

26 ноября 1832 года Бенкендорф препровождает министру юстиции Д. В. Дашкову письмо А. Н. Волконской вместе с запросом о том, «имеет ли жена государственного преступника С. Волконского право распоряжаться имением, доставшимся ей после смерти ее сына»¹². Дашков, ознакомившись с письмом Бенкендорфа, высказал мнение, что юридический М. Н. Волконская имеет право на это имение. Однако Дашков сомневался, может ли Мария Николаевна вступить в права наследницы, по-

Вольное поселение декабриста С. Г. Волконского на вольном поселении

Акварель Н. А. Бестужева. ИРЛИ АН СССР

ния не может измениться, быть подчинено никаким событиям, и теперь вне его присутствия люблю и уважаю по-прежнему, если он виновен, это его дело, его воля и его ответ — мне же долг, обязанность не изменяться по обстоятельствам».

После ареста Лунина на Волконского пали заботы о его имуществе. «Теперь у меня в заведовании Лунина дом, сарай, баня, амбар, то есть голые стены, ломаная мебель, пустые закромы, две тощие лошади, одна корова, дойная лишь по названию и известный вам его прислужник старик Васильич с многочисленным его семейством, — сообщал декабрист Пушкину. — Он мне поручен с Михайлом Сергеевичем, и вы довольно меня знаете, чтоб не сомневаться, что свято и сколь сил будет исполню его поручение»³⁶.

Сам Лунин писал с благодарностью Волконскому: «Заботы, которые вы оказываете Васильичу и его семье, показывают одновременно и ваше превосходное сердце и вашу постоянную ко мне дружбу. Кому была бы охота брать на себя подобную тяготу? Не имея возможности ничего сделать для этих бедных людей из глуби-

ны моей темницы, я вручаю вам их судьбу»³⁷.

В другом письме Лунин отмечал, что все распоряжения и действия Волконского относительно его состояния «безукоризненны».

Самое же ценное из всего переданного Луниным Волконскому были книги — знаменитая лунинская библиотека, доставившая Волконским немало забот и тревог.

Благодаря хлопотам сестры Лунина Е. Уваровой было получено разрешение Бенкендорфа на пересылку в Акатуй, новое место заключения Лунина, части книг. Осенью 1842 года Лунин получил посланные Волконским книги³⁸.

И после ареста Лунина между ним и Волконским продолжали сохраняться дружеские отношения. Как отмечает С. Б. Окунь, Волконские были единственными людьми, с которыми Лунину удалось поддерживать более или менее систематическую переписку.